

Глава 53: Высокая награда

—

XI.

— Угу... — Се Чаньюэ шмыгнул носом и, словно маленький снаряд, с разбегу бросился в объятия Гу Сьюаня.

Гу Сьюань крепко прижал его к себе, нежно коснувшись губами его черных как смоль волос; в этом жесте было бесконечное море ласки. Се Чаньюэ, уткнувшись лицом в твердую грудь мужа, терся об неё снова и снова, никак не желая отстраняться.

Даже когда Гу Лаоэр расплатился с возницей и проводил его, эти двое всё еще стояли, тесно прижавшись друг к другу. Гу Лаоэр не стал мешать молодым супругам и сам направился вглубь деревни — он и сам уже порядком соскучился по своему супругу.

Спустя какое-то время они, наконец, взялись за руки и пошли по деревенской улице. Се Чаньюэ так и лучился счастьем, то и дело подпрыгивая на ходу.

— Муж, ты так долго пробыл в префектуре... Результаты окружного экзамена уже огласили? — как бы невзначай спросил он.

Гу Сьюань кивнул:

— Да.

Се Чаньюэ внимательно посмотрел на него, колеблясь. Его муж обладал поистине железным самообладанием и никогда не показывал ни радости, ни гнева. Даже ему, человеку, делящему с ним одну постель, было крайне трудно разгадать его мысли.

Гу Сьюань, перебирая его тонкие белые пальцы, буднично произнес:

— Завтра, скорее всего, из управы пришлют гонцов с доброй вестью.

Се Чаньюэ широко раскрыл глаза. Он мгновенно всё понял и снова не удержался — запрыгнул на Гу Сьюаня:

— Мой муж действительно самый выдающийся!

Уездный и окружной экзамены — это лишь первые ступени долгого пути к чинам, их еще называют «детскими испытаниями». Власти уделяют им не так много внимания; обычно ученики сами ходят смотреть списки. Но для «аньшоу» — первого места в списке — делается исключение: местная управа присылает людей в дом победителя, чтобы торжественно вручить документ и объявить о радостном событии.

Это означало, что и на окружном экзамене Гу Сьюань снова стал лучшим.

Едва они переступили порог двора семьи Гу, как Се Чаньюэ во весь голос закричал, подзывая Му Ся:

— Папа, папа! Муж снова занял первое место!

Му Ся вышел им навстречу, улыбаясь и кивая — он уже всё понял по сияющему лицу невестки.

Из дома старшей ветви тоже показалось несколько любопытных теней.

Старик Гу со сложным выражением лица смотрел на Гу Сьюаня и Гу Лаоэра. В любой другой семье наличие столь одаренного потомка вызвало бы лишь гордость, но в доме Гу радость была смешана с неловкостью. Ведь раньше на Гу Яна никто не обращал внимания, а то и вовсе презирал. Впрочем, в конце концов, старик всё же расплылся в улыбке:

— А-Ян действительно молодец, дважды подряд стать аньшоу!

Старая госпожа Гу тоже ласково добавила:

— Да, А-Ян теперь официально туншэн. Пора бы и односельчан угостить обедом; в прошлом году, когда твой старший брат сдал, мы тоже устраивали праздник.

Гу Сьюань не ответил, вместо этого взглянув на своих родителей. Гу Лаоэр встретился с сыном взглядом и вспомнил прошлый год: торжествующие лица брата и невестки, то, как брат хлопал его по плечу и говорил слова, которые звучали как утешение, но на деле были издевкой.

Хех... Прошел всего год, а все те мрачные тени бесследно исчезли еще после победы сына на экзамене. Стоит ли теперь принимать это близко к сердцу?

Гу Лаоэр посмотрел на родителей и покачал головой:

— Не стоит. В восьмом месяце А-Яну еще сдавать экзамен юаньши, не будем тратить время попусту. Пусть лучше спокойно учится.

Старики опешили. Они не ожидали, что всегда послушный и тихий второй сын вот так прямо пойдет против их воли. Перед Гу Сьюанем, за которым теперь стоял авторитет ученого, они робели, но на второго сына тут же уставились с потемневшими лицами.

Заметив это, Ли Сянтао словно сорвалась с цепи и тут же принялась язвить:

— Ох, Лаоэр! В деревне все тебя честным да простым величают, а теперь и не скажешь. Подумал, раз сын в аньшоу выбился, так теперь можно и родителей ни во что не ставить?

— Хм, почтительность моего отца известна всей деревне. А вот от вас, старшая тетька, за версту несет кислятиной. Уж не разбила ли ты на кухне чан с уксусом от зависти? Раз аньшоу для тебя — «ничего особенного», так почему твой сын не занял первое место? Наверное, просто не захотел? — не остался в долгу Се Чаньюэ, отвечая в своей привычной язвительной манере.

— Ты!.. — Ли Сянтао аж подпрыгнула от ярости, тыча в него пальцем. — Что ты мелешь! Нашему Чжэнь-эру просто не повезло! Не то что этот Гу Ян: знал, что Чжэнь-эр силен, вот и не стал сдавать в тот же год. Специально год выждал, чтобы на везении в аньшоу проскочить!

— ... — Гу Сьюань промолчал. Какая богатая фантазия.

Се Чаньюэ холодно усмехнулся:

— Ой-ой-ой! А что же ты не скажешь, что мой муж младше твоего сына на целых семь месяцев? Разве не естественно сдавать на год позже? И вообще, везение у твоего сына и впрямь паршивое: на уездном не повезло, на окружном не повезло... Как бы в восьмом месяце на юаньши удача совсем не отвернулась, да так, что он вообще в списки не попадет. Вот тогда-то будет весело! Ха-ха... ха-ха...

Договорив, он не сдержался и звонко рассмеялся. Глядя на эту задорную картину, Гу Лаоэр и Му Ся тоже невольно улыбнулись.

— Ты... Ты смеешь проклинать моего Чжэнь-эра?! — Ли Сянтао изменилась в лице, её глаза налились яростью, и она бросилась к Се Чаньюэ: — Я тебе язык-то вырву!

Гу Сьюань сделал один шаг, загородив собой супруга; его лицо было леденяще-спокойным. Под его тяжелым взглядом Ли Сянтао невольно отступила на несколько шагов, но всё же прошипела, указывая на Чаньюэ:

— Ты... ты у меня еще дождешься!

Се Чаньюэ скорчил ей рожицу:

— Дождусь, так дождусь, кто тебя боится! Попробуешь меня ударить или обругать — я сразу мужу пожалуюсь.

С этими словами он, словно победивший в драке петух, гордо вскинул голову и последовал за Гу Сьюанем.

Старик Гу и его жена, глядя на этот балаган, почувствовали, как у них разболелись головы. Каждый раз, когда разговор начинался мирно, всё неизбежно заканчивалось скандалом. Старшая невестка, конечно, остра на язык, но и младшие во второй ветви стали слишком уж дерзкими. Особенно этот Чаньюэ-гер... Хорошо всё-таки, что они тогда не позволили Чжэнь-эру на нем жениться.

Весть о результатах окружного экзамена прибыла в деревню Хуанъян на следующий день в полдень, снова собрав толпу зевак. Многие сельчане окружили Гу Лаоэра и Му Ся, рассыпаясь в похвалах. Пришли и старейшины рода, желая устроить пир, но, услышав, что Гу Сьюань в восьмом месяце сдает следующий экзамен и не хочет отвлекаться, были вынуждены оставить эту затею.

Между тем имя Гу Сьюаня загремело на весь Тунчжоу. Сначала — «Машина почтительного сына», принесшая пользу народу, затем — двойная победа в качестве аньшоу. Древние ценили репутацию, но еще больше — истинный талант. Сочетание того и другого в одном человеке не могло не вызывать восхищения. Поговаривали даже, что если глава префектуры окажется человеком проницательным, он с радостью поможет юноше снискать славу Сяосаньюань (маленького троекратного чемпиона).

Однако в жизни самого Гу Сьюаня мало что изменилось. Его дни по-прежнему состояли из книг и заботы о супруге — спокойные, но насыщенные.

Конец четвертого месяца незаметно сменился пятым, и в воздухе потеплело. В академии снова начались «полевые каникулы», но Гу Чжэнь по какой-то причине не вернулся в деревню, решив остаться в Тунчжоу. В семье Гу это вызвало разные чувства, но Гу Сьюаня это совершенно не заботило.

Се Чаньюэ вбежал в комнату, размахивая маленькой тетрадкой:

— Муж! Оказывается, семена кукурузы, которые вымачивали и дезинфицировали, растут совсем не так, как обычные!

Гу Сьюань поднял голову:

— Давай посмотрю твои записи.

Чаньюэ протянул тетрадь. Она была расчерчена на аккуратные клетки с заголовками — этому способу ведения записей его научил муж. Так было гораздо удобнее: любые ключевые данные сразу бросались в глаза.

Первый урожай кукурузы был посажен в конце третьего месяца. Прошло уже больше двух месяцев, стебли и листья вовсю набрали силу. Благодаря расширению площади посадок, начали проявляться разные особенности. Те семена, которые перед посадкой вымачивали в теплой воде, уксусе или обрабатывали тунговым маслом, теперь либо меньше болели, либо росли быстрее, либо лучше переносили засуху.

Впрочем, семена у Гу Сьюаня изначально были высшего качества, так что они обладали природной стойкостью. В целом, всходы выглядели вполне достойно.

Гу Сьюань вернул тетрадь и одобрительно кивнул:

— Хорошая работа, записано очень подробно.

Се Чаньюэ радостно обвил его руку:

— Это муж молодец! Придумать такой простой и понятный способ записи... Если бы его увидели счетоводы, они бы точно сочли тебя небожителем.

Гу Сьюань с улыбкой посмотрел на него, приподняв его аккуратный подбородок:

— Вижу, ты уже научился применять знания на практике.

— Угу, — Чаньюэ прищурился от удовольствия, как довольный лисенок.

Гу Сьюань, не в силах устоять, нежно поцеловал его в веко, затем спустился к кончику носа и, наконец, к алым губам, усаживая супруга к себе на колени. Спустя долгое время они нехотя отстранились друг от друга.

Се Чаньюэ обнял мужа за шею, прижавшись к его плечу, и, тяжело дыша, прошептал:

— Муж... спасибо тебе.

Это не было простым кокетством — в этих словах звучала искренняя благодарность. Благодарность за то, что тогда он выбрал его, за год любви и заботы, и за то, что открыл ему дверь в совершенно иной мир.

Спустя долгое время он услышал в ответ знакомое низкое «Угу».

Листва на деревьях становилась всё гуще и темнее, и, если присмотреться, казалось, что она почти светится в лучах солнца.

Наступила вторая половина шестого месяца. У почтенного Ци цзюйжэня возникло ощущение, что в трактатах Гу Сьюаня исправлять и дополнять уже практически нечего.

В тот день после занятий в академии Гу Сьюань подошел к Ван Сюю:

— Помнишь, мы договаривались? Мне нужна твоя помощь в одном деле.

Глаза Ван Сюя блеснули, он тут же всё вспомнил:

— Ты опять что-то изобрел?

Гу Сыюань покачал головой:

— Не я, мой супруг.

Ван Сюй скептически скривился:

— И что этот маленький гер мог такого сделать...

Гу Сыюань одарил его ледяным взглядом:

— Ты собираешься слушать дальше? Если нет, то Чаньюэ вернется в столицу и обратится за помощью в поместье графа Суйнина. Или же я сам подам прошение уездному магистрату.

Ван Сюй поспешно схватил его за руку:

— Ой, не надо! Я слушаю, слушаю. Я помогу вам, честное слово.

На самом деле он так активно рвался в бой вовсе не из-за корысти семьи Ван. Просто нынешний магистрат Уцина и глава префектуры Тунчжоу не принадлежали к их политическому крылу, и Ван Сюю совсем не хотелось, чтобы те получили такую заслугу на пустом месте.

Особенно магистрат — он был человеком Первого принца и, по слухам, благодаря прошлогодней истории с «Машиной почтительного сына» вот-вот должен был пойти на повышение в Министерство налогов. А семья Ван поддерживала Пятого принца, их главного соперника.

Что же касается поместья графа Суйнина, то раньше они старались соблюдать нейтралитет, но с тех пор, как к ним вернулся «настоящий» гер, стали подозрительно близки с Сяо Цзинчуанем. Сяо Цзинчуань — прихлебатель Четвертого принца, который сейчас хоть и ведет себя тихо, но кто знает, что будет завтра? Ведь у императора всего трое взрослых сыновей...

Гу Сыюань мельком взглянул на Ван Сюя: тот хоть и улыбался, но взгляд его был глубоким и серьезным. Сыюань понял, о чем тот размышляет.

Впрочем, так даже лучше. Он знал, что семья Ван славится порядочностью и не склонна «сжигать мосты», воспользовавшись человеком. Но полагаться только на чужую совесть — глупость. Пока ты сам недостаточно силен, лучший выбор — заставить других считаться с тобой.

Они сели в повозку Ван Сюя и отправились в деревню Хуанъян. Ван Сюй заметил у въезда глубокие следы от колес тяжелого экипажа.

— Здесь недавно были знатные гости, — заметил он.

— Вчера приезжали Шэнь Чанхуань и Сяо Цзинчуань, — буднично отозвался Гу Сыюань.

Ван Сюй лишь усмехнулся:

— Эти двое вечно не разлей вода, совсем стыд потеряли.

Когда они вошли во двор, Се Чаньюэ как раз был там. Увидев мужа, он радостно бросился к нему:

— Муж! Ты сегодня так рано!

Гу Сьюань подхватил его и ласково похлопал по спине.

Ван Сью нарочито громко кашлянул:

— Тут вообще-то еще один человек стоит. Сказал бы спасибо — это благодаря моей карете он так быстро приехал.

Се Чаньюэ поднял голову:

— О, ну тогда большое спасибо.

— Что за тон?! — возмутился Ван Сью.

Гу Сьюань, не желая ввязываться в их детский спор, сжал руку супруга:

— Отведи его, покажи плоды своих трудов.

Лицо Се Чаньюэ просияло, он фыркнул:

— Шестнадцатый молодой господин Ван, пойдете! Только смотрите, чтобы в глазах не зарябило!

Втроем они вышли в поле.

Ван Сью был в прекрасном настроении. Хоть он и бывал в поместьях своей семьи, настоящая деревня казалась ему чем-то совершенно иным, и он с любопытством озирался по сторонам. Но когда он взял в руки початок кукурузы, его глаза округлились так, что стали похожи на два ровных круга.

— Ты... ты хочешь сказать, что эта штука дает два урожая в год и приносит тысячу триста цзиней с одного му? И это еще «скромные подсчеты»?

Он не работал в поле, но читал много книг, в том числе по сельскому хозяйству. Он прекрасно знал, что на севере основная культура — пшеница — дает всего около трехсот цзиней с одного му. А тут урожайность выше почти в пять раз! Сколько людей это сможет прокормить? Армия забудет о нехватке провизии, а уж во время голода...

Такое открытие — это прямой путь в историю. Народ будет почитать открывателя как живое божество.

Се Чаньюэ гордо вскинул голову:

— В прошлом году, когда мы только нашли семена, мы посадили крошечный клочок земли и собрали девяносто цзиней. Если сейчас с одного му выходит восемьсот цзиней за раз — разве это не нормально? Какие могут быть вопросы к тысяче тремстам за два сезона?

Ван Сью посмотрел на них дрожащим голосом:

— Не то чтобы я не верю, но дело слишком серьезное. Я велю своим людям собрать урожай с

одного му и взвесить его прямо здесь. Если я доложу об этом императору, а окажется, что это ложь — это будет не шутка, а преступление против императора.

Се Чаньюэ был готов к такому:

— Зови своих людей. У меня засажено целых три му.

Ван Сюй кивнул и обратился к слуге:

— Живо в поместье! Зови тринадцатого дядю и пусть возьмет с собой людей, умеющих работать в поле. Быстрее, это дело государственной важности!

Слуга сорвался с места и умчался.

Ван Сюй осторожно погладил початок и поднес его к лицу:

— И выглядит красиво, и пахнет сладко. Просто чудо.

Гу Сьюань холодно взглянул на него:

— Следи за выражением лица и тоном.

— Не могу, — без тени смущения ответил Ван Сюй. — Эта штука в десять тысяч раз прекраснее самой первой красавицы в Поднебесной.

Пока они беседовали на краю поля, показались всадники. Возглавлял их тот самый мужчина средних лет, который в прошлом году сопровождал Ван Сюя в академию.

Для верности люди семьи Ван не просто собрали кукурузу с одного му, но и прямо на месте очистили её от початков, чтобы взвесить чистое зерно.

Один из слуг, похожий на управляющего, доложил мужчине:

— Господин, я пересчитал несколько раз. С одного му вышло ровно восемьсот тридцать семь цзиней.

— Хорошо... очень хорошо! — Глаза тринадцатого дяди Вана вспыхнули. Он с восторгом посмотрел на Гу Сьюаня: — Юноша, раз уж ты доверился нашей семье, то мы станем твоими посредниками и представим тебя Его Величеству. То, что ты сделал — великое деяние. Не только нынешний народ, но и тысячи поколений потомков будут тебе безмерно благодарны.

Гу Сьюань нахмурился.

— У тебя есть еще какие-то требования? — спросил тринадцатый дядя.

Гу Сьюань покачал головой:

— Вы ошибаетесь в одном. Эта кукуруза — результат трудов моего супруга, Се Чаньюэ. Я здесь ни при чем.

Тринадцатый дядя Ван замер от неожиданности.

Се Чаньюэ в испуге схватил мужа за рукав. Он ведь сажал это только ради того, чтобы порадовать супруга! Семена дал муж, знаниями делился муж — как же все заслуги могут

достаться ему одному? Но на людях он никогда не перечил Гу Сьюаню, поэтому лишь растерянно моргал и строил рожицы.

Гу Сьюань сжал его ладонь, успокаивая.

Ван Сюй тоже поспешно вставил:

— Дядя, это чистая правда.

Тринадцатый дядя Ван на мгновение задумался, а затем глубоко посмотрел на супругов:

— Хорошо. Я доложу брату всё как есть.

Стоит признать, что если открытие припишут Се Чаньюэ, император может быть даже более доволен. Ведь всё, чего жаждет простой народ — это быть сытым. Как только эта культура распространится, авторитет открывателя взлетит до небес. Если бы им стал будущий чиновник, это могло бы вызвать опасения у трона из-за чрезмерного влияния в народе и армии.

А так... ситуация складывалась весьма любопытная.

И в самом деле, если открывателем будет всего лишь гер, Его Величество сможет спать спокойнее, а значит, и награда будет куда щедрее.

На улице уже совсем стемнело. Ван Сюй и его спутники не стали задерживаться и, прищпорив коней, умчались прочь. Гу Сьюань и Се Чаньюэ неспешно побрели домой.

Вернувшись, Се Чаньюэ всё еще обиженно дул губы:

— Муж вечно всё решает сам, даже не спросив меня.

Хотя за это время он, будучи малым неглупым, уже догадался о планах мужа, на душе всё равно было немного досадно.

Гу Сьюань с легким смешком ущипнул его за щеку — кожа была всё такой же нежной. Однако он намеренно слегка нахмурился:

— Твоя кожа стала как будто грубее... Нет, посмотри-ка, лицо стало темнее, чем раньше.

— А! — вскрикнул Се Чаньюэ и бросился к бронзовому зеркалу. Ощупывая лицо, он в панике спросил: — Правда? Неужели я правда почернел?

Гу Сьюань небрежно бросил:

— Сейчас лето, ты каждый день проводишь в поле. Неудивительно, что кожа потемнела.

Се Чаньюэ впал в уныние. Он, вне всякого сомнения, был крайне тщеславным маленьким гером. Услышать, что он потемнел или его кожа стала грубой, для него было хуже, чем получить удар ножом.

Тут же позабыв об обидах, он достал свои баночки с притираниями и принялся лихорадочно мазать лицо. Каждые несколько минут он дергал Гу Сьюаня, спрашивая, не побелел ли он хоть чуточку. Гу Сьюань мельком поглядывал на него и притворно кивал:

— Вроде... да, кажется, побелел...

«Мой супруг такой милашка».

Се Чаньюэ, немного успокоившись, продолжал втирать мази, напрочь забыв о недавнем споре. Лишь ночью, когда Гу Сьюань, как обычно, ласкал и целовал его, Чаньюэ смутно почувствовал подвох. Однако умелые руки мужа раздували в его теле один пожар за другим, и сил размышлять не осталось — он полностью погрузился в волны наслаждения, которые дарил ему муж.

На следующий день Гу Сьюань, как обычно, отправился в академию. Ван Сюй, глядя на невозмутимое «ледяное» лицо сокурсника, преисполнился глубокого уважения:

— Ты действительно выдающаяся личность.

Гу Сьюань взглянул на него:

— Ты тоже неплох. (В уме добавил: «Раз умудряешься оставаться таким дуралеем»).

В полдень в академию прибыли двое людей из семьи Ван с вестями. Они передали Гу Сьюаню и Ван Сюю, что министр Ван уже представил доклад о кукурузе императору, и Его Величество пришел в неописуемый восторг. Завтра утром трое принцев в сопровождении чиновников Министерства финансов придут в деревню Хуанъян: во-первых, чтобы наградить Се Чаньюэ, а во-вторых — лично убедиться в истинности доклада.

Гу Сьюань спокойно принял новость, даже не сменив выражения лица.

Вернувшись вечером домой, он зашел в дом старшей ветви и сообщил об этом деду. Он попросил старика приструнить односельчан: завтра лучше всем собраться в одном месте или вовсе не выходить из домов, чтобы, не дай бог, не оскорбить высоких гостей своим неподобающим видом.

За последний год старик Гу не раз поражался успехам этого внука, которого раньше почти не замечал. Но первой его реакцией всё равно было неверие. То, что их деревня дала миру Се Чаньюэ, оказавшегося сыном графа, уже казалось сном наяву. А теперь — принцы? Настоящие сыновья императора, «дети дракона»...

Старик схватил Сьюаня за руку, его всё тело дрожало:

— А-Ян, ты... ты правду говоришь? Принцы приедут?

Гу Сьюань кивнул, сохраняя спокойствие:

— Разумеется, это правда. Иначе мои слова были бы преступлением против престола. Дедушка, вы староста деревни, так что лучше подготовьтесь заранее. Будет нехорошо, если принцы увидят что-то неподобающее.

С этими словами он развернулся и ушел.

Видя такую уверенность внука, старик Гу наконец поверил. Он просидел на стуле довольно долго, приходя в себя, а затем торопливо выбежал из дома. Подумать только, на старости лет ему доведется увидеть императорских отпрысков!

Следующий день совпал с выходным в академии, так что Гу Сьюань остался дома. Огромная свита принцев двигалась быстро: выехав на рассвете из столицы, они добрались до деревни

всего за полдня, как раз к полудню.

Еще с утра уездный магистрат Ду прибыл в деревню с отрядом стражников, чтобы поддерживать порядок. Теперь же он вместе с жителями деревни стоял на коленях у въезда, готовясь к встрече. Принцы на вид оказались весьма доброжелательными и любезно велели всем подняться. После этого они позвали Гу Сьюаня и Се Чаньюэ, чтобы те вели их в поля.

Чиновники из Министерства налогов, не спрашивая разрешений, принялись за дело. Они лично собрали кукурузу с двух му земли и взвесили её. Один участок дал 872 цзиня, второй — 903 цзиня.

Чиновники, лучше всех знавшие цену этим цифрам, тут же пали ниц в сторону Пурпурного Запретного города, выкрикивая благословения императору и поздравляя его с великим благом для Поднебесной. Деревенские жители, не до конца понимая суть, послушно опустили на колени следом.

Теперь сомнений не осталось.

Когда все поднялись, Первый принц вышел вперед и с улыбкой провозгласил:

— Господин Се оказал великую услугу народу и государству. Отец-император специально повелел мне доставить награду в знак признания твоих заслуг. Слушай указ!

Четвертый и Пятый принцы лишь мельком переглянулись — Первый принц вел себя так, будто прибыл один, пользуясь лишь своим старшинством. Гу Сьюань и Се Чаньюэ не обращали внимания на их немую вражду; их лишь слегка утомляло, что едва встав, пришлось снова опускаться на колени.

Однако содержание указа оказалось настолько приятным, что любое недовольство мигом испарилось. Возможно, из-за статуса Се Чаньюэ как гера, император проявил необычайную щедрость. Се Чаньюэ был пожалован титул «уездного цзюньцзюня Чанмин»*, ему даровали личную резиденцию в столице, а в придачу — поместье в Тунчжоу, сотню му плодородной земли, тысячу лян серебра и множество других драгоценных даров из императорской казны.

[*Титул цзюньцзюнь (郡君, jùn jūn) — это реально существовавший в древнем Китае титул для женщин (Благородная дама округа / Уездный цзюньцзюнь), который относился к системе внешних титулов знати, обычно находится на четвертой или пятой ступени женской знатной иерархии. Чанмин (昌明) — это почетное имя титула, выбранное императором. Чан (昌) — долгий, вечный, Мин (明) — светлый, ясный, мудрый. Вместе это переводится как «Вечный свет».]

Деревенские жители слушали этот список, затаив дыхание — такие богатства было трудно даже вообразить. Се Чаньюэ почтительно принял свиток обеими руками, благодаря за милость.

Закончив с награждением, принцы поспешили обратно в столицу с докладом — они не выпили даже глотка воды. Лишь перед самым отъездом каждый из них бросил на Гу Сьюаня долгий, многозначительный взгляд. Гу Сьюань всем своим видом показывал: «Я всего лишь человек, который в будущем собирается жить на иждивении у титулованного супруга, я ничего не понимаю и ничего не замечаю».

Когда гости уехали, жители деревни перестали сдерживать эмоции, с жадным восторгом глядя на указ в руках Се Чаньюэ. Это же настоящий императорский указ! Написанный самим

государем!..

Слухи разлетелись мгновенно: из соседних деревень потянулись люди, желая хоть краем глаза увидеть «цзюньцзюня» и ту самую кукурузу, что дает тысячи цзиней с му. Впрочем, поля Гу Лаоэра уже перешли под надзор Министерства налогов и круглосуточно охранялись гвардией.

Но сильнее всех волновались не чужаки, а родня Гу.

В главном зале дома старшей ветви собрались старейшины.

— А-Ян, ну как же так? — сокрушался какой-то невесть откуда взявшийся родственник. — Как ты мог отдать всю славу супругу?

Гу Сьюань ответил ровно:

— Это он её вырастил.

— Но он же твой муж! Жена должна следовать за мужем, его заслуги — это твои заслуги, — хмурился старейшина.

Гу Сьюань посмотрел на него с полным безразличием:

— Тогда пойдите и скажите это ему. Попросите, чтобы он поделился славой со мной. Он теперь — уездный цзюньцзюнь, у него есть титул и ранг. Я его боюсь и не смею гневить, а вы, полагаю, не боитесь.

— ... — Старейшина осекся.

Как с ним вообще разговаривать? Если муж его боится, то им, чужим людям, и подавно соваться не стоит...

Когда старейшины ушли ни с чем, Гу Сьюань перевел взгляд на деда:

— Дедушка, дело решенное. Не нужно больше присылать людей с подобными расспросами.

Лицо старика Гу побледнело. Ему было невыносимо обидно: такая великая заслуга, способная возвысить весь род Гу, досталась какому-то геру. Почему Гу Ян не взял её себе? Даже если сам не хотел — мог бы отдать ему, главе рода...

Не обращая внимания на мысли старика, Гу Сьюань отряхнул одежду и вышел из зала. Ли Сянтао, прильнув к щели в двери, смотрела ему в спину; её глаза были налиты кровью от бессонных ночей.

«Почему... почему этому мальчишке так везет?!»

Он и «Машину почтительного сына» сделал, и экзамены сдает лучше всех, и даже Се Чаньюэ, которого она когда-то презирала, вдруг стал знатной особой. Всё это должно было принадлежать её Чжэнь-эру! Как этот Гу Ян, из которого слова не вытянешь, может всем этим владеть?

— Мама, а что должно было принадлежать старшему брату? — раздался звонкий голос Гу Цинцин.

Пальцы Ли Сянтао судорожно вцепились в дверной косяк. В голове зашумело — она и не

заметила, как произнесла свои мысли вслух.

Гу Цинцин в недоумении склонила голову:

— Но ведь тогда ни ты, ни брат не захотели, чтобы он женился на брате Чаньюэ. Вот он и вышел за второго двоюродного брата.

Ли Сянтао смертельно побледнела.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281591>